

Лабунская Любовь Николаевна

СОЦИАЛЬНОЕ НАСЛЕДОВАНИЕ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Статья раскрывает содержание понятий "социальное наследие" и "наследование". Основное внимание в работе автор акцентирует на онтологии социального наследования, раскрывая процессуальный характер отношений, протекающих через неизбежный диалог с прошлым, который включает в себя усвоение и расшифровку как вербальных, так и невербальных составляющих уходящей культуры, и на основе социально-исторического наследия в любой области человеческого опыта, особенно в сфере духовно-символической - матрицах социокультурной деятельности, однако незыблемыми эти стереотипы могут оставаться лишь до тех пор, пока они соответствуют главному принципу социума - его гомеостазису.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. II. С. 110-113. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Тем не менее исследователи экономики принудительного труда должны не игнорировать проблему отказчиков в лагерях ГУЛАГа, а стремиться как можно дальше продвинуться в ее изучении. Это поможет получить адекватный ответ на вопрос о том, насколько эффективной являлась мобилизационная модель, апробированная руководством страны в процессе колонизации отдаленных труднодоступных районов, в частности Европейского Севера России.

Список литературы

1. Валерштейн Л. М. Люди ГУЛАГа // Печальная пристань. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. С. 268-281.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1а.
3. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1.
4. ГУЛАГ: Главное управление лагерей: 1918-1960 / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2000. 888 с.
5. Иванова Г. М. История ГУЛАГа: 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
6. История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7-ми т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 3. Экономика ГУЛАГа / отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. 624 с.
7. История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7-ми т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных / отв. ред. и сост. В. А. Козлов. 736 с.
8. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. Р-1668. Оп. 1.
9. Суслов А. Б. Принудительный труд на Урале: конец 1920-х – начало 1950-х гг.: эффективность и производительность // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2008. С. 255-278.
10. Упадышев Н. В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск: Поморский университет, 2007. 324 с.
11. Эпплбаум Э. ГУЛАГ: паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 608 с.

OBJECTORS PROBLEM IN GULAG CAMPS WITHIN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

Andrei Nikolaevich Kustyshev, Ph. D. in History
Department of History and Culture
Ukhta State Technical University
akustyshev@ugtu.net

The author discusses the problems associated with the presence of prisoners who refused to work – objectors – in Gulag camps in the European North of Russia, pays special attention to the factors that contributed to the change of prisoners number in this category, and considers the number increase of prisoners-objectors as the factor limiting the mobilization efforts of forced labour system, directed to the colonization of Northern European Russia remote areas.

Key words and phrases: European North of Russia; Gulag camps; prisoners; forced labour; refusal to work; objectors; repressive measures.

УДК 316.3/4:1

Статья раскрывает содержание понятий «социальное наследие» и «наследование». Основное внимание в работе автор акцентирует на онтологии социального наследования, раскрывая процессуальный характер отношений, протекающих через неизбежный диалог с прошлым, который включает в себя усвоение и расшифровку как вербальных, так и невербальных составляющих уходящей культуры, и на основе социально-исторического наследия в любой области человеческого опыта, особенно в сфере духовно-символической - матрицах социокультурной деятельности, однако незыблемыми эти стереотипы могут оставаться лишь до тех пор, пока они соответствуют главному принципу социума – его гомеостазису.

Ключевые слова и фразы: наследие; социальное наследование; социальная память; социальная информация; преемственность; свобода.

Любовь Николаевна Лабунская, к. филос. н., доцент
Кафедра всемирной истории и права
Таганрогский государственный педагогический институт им. А. П. Чехова
lnlabunskaya@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ НАСЛЕДОВАНИЕ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ®

Исходным тезисом в постановке проблемы социального наследования является положение о механизме овладения последующими поколениями людей опытом, оставленным предшественниками. Этот опыт презентует прошлое, историю, которые должны быть приняты и поняты субъектами наследования. Решение такой исследовательской задачи достигается двояко, на основе:

1. диалогичного, дополненного полифоничным анализом социального наследия;
2. диалога, в идеале – полилога, современников с предшественниками.

Прошлое, объективно составляющее основу всей последующей жизнедеятельности людей, рассматривается через призму сегодняшних задач, нынешних актуальных проблем, которые, возможно, и не возникли бы, но, может быть, и существовали ранее. Это отмечал еще ставший классиком С. Аверинцев: «...эпохи только обмениваются вопросами, от которых вещи становятся прозрачнее» [1, с. 376]. Отсюда, диалог времен - условие и, в то же время, результат социального наследования. Эта диалогичность имеет смысл, когда наследники в состоянии проанализировать и понять составляющие наследия социокультурных матриц.

Невозможен подход к объекту социального наследования только с позиций т.н. «поверхностного рационализма», когда рационалист «всматривается» в предмет, но не «вслушивается» в его речь, а речение есть основа полилога. Такое понимание смысла эпохи, связи современности с прошлым и его анализ нуждаются в дальнейшем развитии, т.к. сама эпоха остается «несхваченной». Отсюда ощутимые потери в наследии, объяснимые недостаточностью, «сбоем» в функционировании социального наследования.

Другой противоположностью понимания смысла эпохи является «вчувствование», в действительности также необходимое в процессе транслирования социального наследия, но недостаточное, поскольку предполагает монолог интуитивиста в постижении смысла эпохи. Он слушает самого себя, здесь нет диалога прошедшего с настоящим.

Не отдав должного времени, невозможно постичь того, что называется социокультурным, культурным символом, его смыслом. «Смысл культурного символа прозрачен и общезначим в той мере, в которой это его смысл, т.е. нечто внутри себя прозрачное и общезначимое, но этот же смысл и загадочен, в какой мере он объективно дан-задан-загадан нашему созданию извне инстанциями, от последнего не зависящими» [Там же, с. 373]. Содержание этого символа всегда представляет собой и выговоренное, и невыговоренное, что порождает сложности полилога времен в отношениях тернарности (по Ю. М. Лотману) восприятия опыта наследниками (более подробно о проблемах символики культуры и интерпретациях культурных феноменов прошлого можно прочитать в работах В. Амахвердова, М. Мамардашвили, М. Розова, В. Подороги, В. Рабиновича, С. Гусева, Б. Маркова, А. Огурцова, В. Савчук, Г. Тульчинского и других). В самом деле, если бы мысль была сведена к своему социокультурному субстрату и абсолютно замкнута в рамках собственной эпохи, понимание вне этих рамок было бы немислимо, и невозможно было бы из своего времени рассматривать прошедшее, тем более пытаться понять его. Эта идея продуктивно разработана в трудах Э. А. Баллера [2].

Безусловно, любые процессы социального наследования гораздо менее запрограммированы, чем процессы передачи генетической информации, определяющие вид *homo sapiens*, т.к. здесь отсутствует однозначная линейная неизменность программ воспроизводства сложившихся отношений. Свою реализацию такая программа получает не одним, а прогрессивно увеличивающимся множеством способов ее воплощения. Это характеризует социальное наследование как открытый вариативный процесс, связанный, прежде всего, с активной целеосознанной критической избирательной деятельностью людей по освоению имеющихся в их распоряжении богатств прошлого опыта, сконцентрированного в наследии. При этом эффективность процесса наследования зависит от уровня развития общественных отношений, институтов государства, действующих социальных сил, свободы как условия множественности и плюралистичности в выборе решений задач, стоящих перед теми, кто осваивает наследие. В первую очередь, свобода, как взаимосвязь и фундаментальная характеристика человека, гарантирует реализацию намеченных целей, способностей, возможности развития человеческой личности. Свобода имманентна любому виду деятельности человека, связана с самой сутью его природы и, видимо, поэтому существует определение человека как «выбирающего животного». Несомненно, что человеческое в человеке формируется в процессе все большего обретения им духовной свободы. В активном целенаправленном и целеосознанном избирательном отношении к социальному наследию лежит свобода, поскольку целеполагание - это не однозначно детерминированный акт, а сознательный выбор и принятие решения на основе возможностей, заложенных в действительности. Иными словами, свобода человека и общества в историческом процессе измеряется степенью возможности принимать или не принимать сознательное и активное участие в историческом творчестве, т.е. осуществлять выбор, быть или не быть действительным субъектом социального наследования, способным действовать согласно собственным убеждениям, принципам, идеалам. Однако не учитывать того, что существует буквально альтернативная форма воплощения социального наследования, тоже нельзя.

Свобода выбора переходит в свободу решения, а затем в свободу действия, свободу творчества, свободу самовыражения - что и есть высшая форма развития субъективного начала, составляющего фундаментальное качество социального наследования. Поэтому под свободой мы будем понимать решающий признак, отличающий субъективную форму активности от поведения любых объектов. Более того, этот признак отличает деятельность человека, как субъекта, от деятельности его в тех случаях, когда он выступает в роли объекта, при отсутствии выбора, движимый авторитарным приказом, внешним или внутренним побуждением. Иными словами, свободой являются внутренние действия индивида, когда возможность автономного выбора определяет цели и средства ее достижения в сознательном стремлении к воплощению. Такой субъективно-нравственный, субъективно-деятельностный аспект свободы есть внутренняя свобода человека. Именно она лежит в основе процесса социального наследования, как специфически человеческая избирательная творческая активность сознания, интуиции, бессознательного, воли и нравственных сил, которые в результате внутреннего борения мобилизуются для самостоятельного осуществления выбора, принятия решения и его реализации. Выделяя существенную связь социального наследования и свободы, необходимо отметить, что субъект наследования и его объект онтологизируются социальными отношениями, вне и помимо которых никакого процесса

социального наследования не существует. Этот факт дает основание представлять социальное наследование как особый тип социальных отношений, сутью которых выступают указанные выше черты.

Социальное наследие так же многозначно, многофункционально, как и социальное наследование: это, во-первых, основа культурного развития общества, а, во-вторых, всегда социально-историческое достояние, которое либо используется людьми в дальнейшем общественном движении, либо отвергается ими, как ненужное, устаревшее, вредное. В первом случае определение понятия социального наследия совпадает по смыслу с понятием объективной преемственности. Если преемственность выражает специфику процесса развития, то наследие (результат развития, определенное наличное состояние общества в его истории и культуре, выступающие для наследников основой дальнейшего выбора) осваивается через механизмы социального наследования. В классическом определении во «Введении в историю философии» Гегеля мы находим: «Созданное каждым поколением в области науки и духовной деятельности есть наследие, рост которого является результатом сбережений всех предшествовавших поколений, в котором все человеческие поколения благодарно и радостно поместили все то, что им помогло пройти жизненный путь, и что они обрели в глубинах природы и духа. Наследие - результат всех предшествовавших поколений человеческого рода... масса средств и сноровок, учреждения и привычки общечеловеческой и политической жизни суть результат размышления, изобретательности, нужд и бедствий, находчивости и остроумия, стремления и свершения, предшествовавшие всей истории» [3, с. 9-11].

Объект социального наследования - социальное наследие - количественно и качественно неисчерпаем. К нему следует относить: характер и результаты исторической деятельности людей, выражающиеся в теоретически и практически обобщенном опыте человечества; информацию, т.е. знаковый смысл, заключенный в предметах материальной культуры; сложившиеся социальные отношения и институты; практические нормы поведения; навыки трудовой деятельности. Сюда же относятся традиционные связи и структуры, выраженные через предметный аппарат отражения общественного сознания в произведениях литературы и искусства, духовной культуры, памятниках. В обозначенных связях и структурах в опредмеченном виде передается соответствующая информация от поколения к поколению, наконец, вся система общественного сознания данной эпохи, времени, общества, которая выступает в качестве некой объективированной реальности. Вступающим в жизнь новым поколениям людей приходится осваивать огромные пласты накопленного предшественниками опыта, созданных культурных ценностей, т.к. в противном случае история человечества остановилась бы или даже пошла вспять. В этом заключен необходимый и закономерный результат и характер социального наследования.

В широком смысле слова, социальное наследие представляет собой не только совокупность предметных форм, но и культурно-информационных средств, созданных и сбереженных предшествующими поколениями, что не дает, однако, оснований для отождествления терминов «социальное наследие» и «культурное наследие». Последнее - это совокупность культурных ценностей, создаваемых в обществе и приобретенных им в процессе исторического развития. Социальное наследие шире, ибо в него включены не только высокие достижения культуры, но и весь обыденный опыт в памяти, сознании и навыках людей, из чего следует, что понятие социального наследия включает в себя понятие культурного наследия, т.е. последнее входит в содержание первого. А поскольку культурное наследие составляет основное, если не главное, содержание всей совокупности наследуемого, постольку целесообразно употреблять понятие социально-культурного или социокультурного наследия с тем, чтобы охватить в специфике все проявления предшествующего этапа развития общества (социальной группы, индивида). Социокультурное наследие всегда исторично, а потому наиболее полным и точным его определением будет «социально-историческое наследие». Оно уже обозначено нами как прошлое человека и общества, продукты и результаты их деятельности. Причем социально-историческое наследие обладает подвижной гранью между прошлым и настоящим.

Итак, объектом социального наследования является совокупный опыт человечества, предметное содержание которого дано в специфическом «социогенетическом коде»: накопленных ценностях материальной и духовной культуры, результатах деятельности людей, включающих совокупность сложившихся знаний, умений и навыков, объективировавшихся в предметных и языковых формах. Процесс социального наследования представляет собой выбор ценностей цивилизации, которые были накоплены и сохранены нашими предшественниками. Эти ценности наиболее значимого содержания, переданные нам по эстафете человеческих поколений, должны отвечать жизненным потребностям и интересам современников. Выбор из совокупности социального наследия элементов, необходимых для воспроизводства общественной жизни и жизни человека, осуществляется на основе оценки. В последней эксплицируются те или иные предпочтения предметов, идей, видов деятельности и др., сформированных в социальных отношениях и институтах общества. В межличностном общении или развитии отношений между социальными группами, классами складываются, оцениваются различные явления, что позволяет упорядочить и перераспределить представления о существующих и создаваемых предметах и предпочтениях.

Социально-историческое наследие всегда выступает в виде всей совокупности социальной информации, которой обладали уходящие из жизни поколения. Каждое новое поколение людей перенимает от предыдущего помимо наличных социальных отношений, достижений материального производства, форм духовной жизни и пр. обширное информационное наследие, совокупность всей информации, которая циркулировала в обществе и использовалась для нужд управления и социального регулирования. Информационное наследие составляет достаточно большой объем в содержании социального наследия. Социальная информация - это отражение различных фрагментов объективной и субъективной реальности, где часть информации передается от поколения

к поколению, в т.ч. через орудия, средства и продукты труда, в виде навыков, традиций, ритуалов и т.п. Часто она не осознается индивидом в адекватной форме, но оказывает влияние на его мировоззрение и деятельность. Другая же часть информации - это отражение, зафиксированное с помощью знаковых систем. Хранилищем этой социально значимой информации является социальная память, развивающаяся в фило- и онтогенезе от непреднамеренной, произвольной к преднамеренной, сознательной форме, характеризующая процесс становления и развития социального наследования. Социальная память - это, прежде всего, функционирование средств сохранения социально значимой информации. Сохранение, усвоение, ее критическое и осмысленное использование для собственных нужд, а затем передача и есть механизм социального наследования.

Список литературы

1. **Аверинцев С. С.** Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики // Древнерусское искусство. М.: Наука, 1975. С. 368-383.
2. **Баллер Э. Я.** Преемственность в развитии культуры. М.: Наука, 1981. 294 с.
3. **Гегель Г. В. Ф.** Введение в историю философии: лекции по истории философии. СПб.: Наука, 1994.

SOCIAL INHERITANCE: ONTOLOGICAL AND GNOSEOLOGICAL FOUNDATIONS

Lyubov' Nikolaevna Labunskaya, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of World History and Law
Taganrog State Pedagogical Institute named after A. P. Chekhov
lnlabunskaya@mail.ru

The author reveals the content of the notions "social heritage" and "inheritance", pays special attention to the ontology of social inheritance, revealing the procedural nature of relations, flowing through the inevitable dialogue with the past, which includes the acquisition and interpretation of both verbal and non-verbal components of outgoing culture and emphasizes social-historical heritage foundation in every area of human experience, especially in spiritual-symbolic sphere – social-cultural activity matrix, but these stereotypes are inviolable only as long as they meet the general principle of socium – its homeostasis.

Key words and phrases: heritage; social inheritance; social memory; social information; continuity; freedom.

УДК 343.231

В статье рассмотрены объективные признаки посредственного причинения вреда. При этом автором выделены уголовно-правовые особенности его каждого элемента: деяния, общественно-опасных последствий, причинной связи и объекта преступления. Основное внимание в работе автор акцентирует на повышенной общественной опасности преступлений, совершаемых посредством других лиц, и обосновывает необходимость усиления уголовной ответственности за преступления, совершаемые подобным способом.

Ключевые слова и фразы: посредственное причинение вреда; посредственный совершитель преступления; объективная сторона преступления; деяние; общественно-опасные последствия; причинная связь; объект преступления.

Дмитрий Александрович Луньков
Кафедра уголовного права
Уральская государственная юридическая академия
Starsledelan@yandex.ru

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОСРЕДСТВЕННОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ[©]

Вопрос объективной стороны посредственного причинения вреда в правовой литературе исследован недостаточно. Большинство авторов, в той или иной мере причастных к исследованию этой проблемы, рассматривают её, в основном, применительно к конкретным видам посредственного совершения преступления, не выявляя объективных свойств и признаков, выражающих сущность уголовно-правового института в целом [1, с. 7; 2, с. 53-54; 3, с. 136-137; 4, с. 62; 5, с. 84; 10, с. 31; 13, с. 8; 14, с. 69; 19, с. 612]. По нашему мнению, объективная сторона посредственного совершения преступления не складывается из сумм объективных признаков всех ее форм. Понятие объективной стороны посредственного причинения вреда, будучи общим по отношению к конкретным его формам, включает лишь такие признаки, которые характерны для каждого конкретного вида и в то же время имеют общее значение, абстрагируясь при этом от признаков и свойств, подчеркивающих специфику той или иной конкретной формы посредственного совершения преступлений.